

Деревня Гуаньцзян примостилась в донельзя неудобном месте. Она застряла аккурат на стыке уезда L города L и уезда Y города G. До уездного центра Y нужно было преодолеть семь-восемь горных хребтов, а до центра L — пять-шесть пиков и ещё добрых несколько десятков километров пути.

Административно деревня относилась к волости L, до которой было двадцать пять километров по чистокровному горному бездорожью: полчаса карабкаешься вверх, полчаса спускаешься в падь. У взрослого мужчины дорога в один конец занимала не меньше четырёх часов. Впрочем, из промежуточного селения Лучжан вела тропа к посёлку Z — путь был не короче, зато оттуда можно было уехать на транспорте, правда, за отдельную плату.

Чжоу Мань, взвесив все «за» и «против», выбрал посёлок Z. Причина была проста: тот товар, что он нёс, в бедной волости вряд ли оценили бы по достоинству.

Он вышел из дома в пять утра. С тяжёлым коробом за спиной — а весу в нём было под сорок пять килограммов — прошагал больше четырёх часов и к девяти утра добрался до развилки у деревни Цзювай, где горная тропа встречалась с шоссе. Отсюда до посёлка Z ходили рейсовые автобусы и сновали юркие трёхколёсные мопеды, зазывая пассажиров. Увы, в карманах Чжоу Маня не звенело ни монетки, поэтому он лишь поправил лямки и двинулся дальше. Прошло ещё два часа, прежде чем впереди показались окраины Z.

Ноги гудели, во рту пересохло, но Чжоу Мань не спешил отдыхать. Он придирчиво осмотрел базарную площадь и заметил бойкое место, где людской поток был гуще всего. Сгрузив короб, расстелил на земле лоскут старой москитной сетки и принялся аккуратно, ряд за рядом, выкладывать товар. Кричать и зазывать покупателей не стал. Вместо этого достал припасённый на завтрак горный ямс и бамбуковую флягу с водой, заткнутую обёрнутой в ткань пробкой.

Утренний ямс был просто варёным — не таким душистым, как печённый на углях, но сладковатый, нежный аромат всё равно быстро поплыл по рядам. Едва Чжоу Мань дожевал первый кусок, как перед ним остановился мужчина средних лет.

— Парень, ямсом торгуешь? — спросил он, приглядываясь.

— Им самым, — улыбнулся Чжоу Мань. — Вчера только в горах выкопал. Гляньте, дядя.

Он подхватил один корень и с хрустом разломил его пополам, демонстрируя срез.

— Видите, какой белый? У покупного мякоть всегда желтит, а мой — чистый снег. Настоящий дикий ямс, за качество ручаюсь.

— И впрямь хорош, — мужчина покрутил половинку в руках. — И почём отдаёшь?

Чжоу Мань указал на разложенные кучки:

— Мелкие — по десять фэней за штуку, средние — по пятнадцать, а те, что покрупнее — по двадцать.

Покупатель удивился:

— А что не на вес?

— Семья у нас бедная, дядя, весов в доме нет, — честно ответил парень.

Мужчина засомневался, прицениваясь:

— Может, скинешь? Соль и та по рубль шестьдесят за цзинь!

Чжоу Мань покачал головой:

— Не могу, дядя. Я этот короб из самого Гуаньцзяна пёр, семь часов на ногах. Каждая копейка потом и кровью добыта.

— Ну, как знаешь, — мужчина положил ямс обратно и зашагал прочь.

Чжоу Мань не расстроился. Время у него было, так что он продолжал спокойно обедать, поджидая своего покупателя.

Минут через пятнадцать к лотку подошёл пожилой мужчина.

— Что это у тебя, малый?

— Горный ямс, дедушка. В Гуаньцзяне выкопал. Если в бульоне с косточкой сварить — никакая диоскорея в сравнение не пойдёт. Попробуйте, — он отломил кусочек и протянул старику.

Тот пожевал, причмокнул губами и спросил цену. Услышав ответ, дед нахмурился:

— С ума сойти! Свинына и та по пятьдесят фэней за цзинь!

— Дедушка, — мягко возразил Чжоу Мань, — мясо вы на рынке в любой день купите, а такой

ямс — поди поищи. Возьмите хоть один маленький, всего десять фэней. К обеду суп сварите — аромат на всю улицу стоять будет!

Старик поколебался, но в итоге выгреб из кармана мелочь и взял один корешок.

Первая продажа открыла шлюзы. Жители города L испокон веков любили супы с лечебными кореньями, и слух о том, что дикий ямс вкуснее обычного, быстро разлетелся по рынку. Люди брали понемногу, на пробу. В этом и заключался расчёт Чжоу Маня: в посёлке Z народ был побогаче и посмышленее, чем в глухой волости, и не жалел копеек на хороший обед.

За два часа почти все сорок пять килограммов ямса разошлись. В кармане приятно оттягивали ткань тринадцать с лишним юаней. Но Чжоу Мань только разогревался — главный козырь всё ещё лежал на дне короба.

К полудню, когда базар начал пустеть, люди заметили рядом с остатками ямса странные чёрные наросты. Похожие на грибы, но твёрдые, будто вырезанные из дерева.

— Парень, это тоже едят? — любопытствовал кто-нибудь из прохожих.

— Это, — Чжоу Мань понизил голос, — у нас называют «железным грибом». А знающие люди зовут линчжи. Первейшее средство для здоровья. Если в доме кто занемог или слаб телом — поварите этот гриб с мясом, выпейте отвар, и болезнь как рукой снимет. Если здесь поблизости есть старый врач, позовите его — он подтвердит, что я не обманываю.

— Неужто правда? — в толпе зашептались, и кто-то действительно побежал за лекарем.

Не прошло и четверти часа, как сквозь толпу, опираясь на клюку, проковылял сухонький старик с жидкой белой бородкой.

— Кто тут хвалится, что линчжи продаёт? Насмотрелись сказок, ироды!

— Дедушка Лао Лай, посмотрите сами, — Чжоу Мань сохранял полное спокойствие. — Позавчера в горах срезал.

Старый врач отодвинул любопытных, склонился над лотком и вдруг замер. Он охнул, присел на корточки и трясущимися руками поднёс один гриб к самому лицу. Осмотрел со всех сторон, вдохнул аромат...

— Ну что там? — не выдержал Чжоу Мань.

Старик не ответил. Он обернулся к кому-то в толпе и крикнул во всю мощь старческих лёгких:

— А ну бегом к Лао Лю! Скажи — отец его спасён! Пусть деньги хватает и летит сюда пулей!

Мальчишка из местных сорвался с места. Толпа заволновалась:

— Лекарь Лао Лай, неужто и впрямь линчжи?

— Он самый! — отрезал старик, сверкнув глазами. — Думаете, я за шестьдесят лет практики лекарство от трутовика не отличу?

— И что, помогает?

— Как дикий женьшень! Мёртвого на ноги поставит!

Слову Лао Лая в посёлке верили свято. Тут же посыпались вопросы:

— Парень, почём гриб?

Чжоу Мань выждал паузу и ровным голосом объявил:

— Делю на три сорта. Маленькие — по три юаня. Средние — по шесть. Самые крупные — по тринадцать юаней за штуку.

— Грабёж!!! — рынок буквально взорвался.

Люди отшатывались, качая головами. Тринадцать юаней! За один гриб просили столько, сколько стоило тридцать килограммов жирной грудинки. Огромные деньги по нынешним временам.

Пока народ рядился и ахал, в круг ворвался запыхавшийся мужчина. Он ошалело озирался по сторонам:

— Где?! Где спасение для батюшки?

— Здесь они, — указал Лао Лай. — Эти грибы кровь и ци отцу твоему вернут.

— Беру! — мужчина даже не взглянул на товар, полностью доверяя врачу. Он повернулся к Чжоу Маню: — Сколько их у тебя? Забираю всё!

Всё? Чжоу Мань не ожидал, что удача улыбнётся так быстро. Судя по одежде, покупатель был из зажиточных, так что парень быстро прикинул в уме:

— Маленьких одиннадцать штук — это тридцать три юаня. Средних восемь — ещё сорок восемь, итого восемьдесят один. Крупных пять — по тринадцать за штуку, это шестьдесят пять. С вас ровно сто сорок шесть юаней.

Толпа ахнула. Сто сорок шесть юаней — целое состояние! Люди не верили своим ушам: какой-то деревенский малый за несколько минут заработал столько, сколько иной не видел за год.

Мужчина, не дрогнув, вытащил бумажник. Отсчитал одну новенькую сотню с портретами четырёх вождей и одну пятидесятку.

— Вот, — протянул он деньги.

Чжоу Мань взглянул на крупные купюры и замялся:

— Простите... У меня с собой ни гроша. Сдачи не наскребу. Может, разменяете где?

— Некогда мне меняться, — отмахнулся богач. Он мазнул взглядом по остаткам ямса. — Это ведь тоже едят? Забирай свои бумажки, а остатки ямса докинь в придачу — зачтётся отцу как доброе дело.

Ямса оставалось юаня на три, не больше. Чжоу Мань понял, что торговаться тот не станет, и кивнул:

— Идёт. И сетку забирайте, так нести удобнее будет.

Мужчина сунул ему деньги, бережно упаковал линчжи и ямс и быстро скрылся из виду. Чжоу Мань, ощущая тяжесть купюр в руке, вежливо улыбнулся зевакам, собрал свои вещи и, дождавшись момента, когда на него перестанут смотреть, юркнул в укромный переулок. Там торопливо засунул заветную сотню в потайной кармашек, вшитый с изнанки в штанину. Оставив пятьдесят юаней под рукой, направился к зданию Универмага.

Только в таком крупном магазине могли разменять столь крупную купюру.

Там Чжоу Мань развернулся на славу. Первым делом — тридцать пачек соли, по шестнадцать фэней за штуку. Следом — тапочки, зубные щётки и полотенца (по две пары каждого), три дюжины тюбиков зубной пасты, набор иголок с нитками и пару отрезков крепкой ткани. Не забыл и про мелочи: глутамат натрия, керосин, лампу со стеклянным колпаком, тесак для хвороста, кухонный нож, тонкий нож для бамбука, топор и целую пачку спичек.

— С вас двадцать три юаня и пятьдесят фэней, — объявила продавщица.

Чжоу Мань протянул пятидесятку, получил сдачу и, нагрузив потяжелевший короб, двинулся в

обратный путь.

На этот раз он не пожалел пятидесяти фэней и сел в автобус. Однако, выходя на своей остановке у деревни Цзювай, он краем глаза заметил, как следом за ним из салона вышли трое мужчин.

Чжоу Мань поправил лямки, проверяя, плотно ли сидит короб, и зашагал по тропе, не оборачиваясь. Он холодно и едва заметно усмехнулся.

Сразу за деревней начинался затяжной подъём. Парень прикинул, где на него удобнее всего напасть. Скорее всего, на повороте у ручья, где все обычно останавливаются передохнуть. Дойдя до того самого места, Чжоу Мань поставил короб у обочины, взял бамбуковую флягу и спустился к воде. Но стоило ему наполнить сосуд и приготовиться встать, как у самого его горла блеснула холодная сталь.

— Не дёргайся, щенок! Деньги гони, если жизнь дорога!

<http://bllate.org/book/17459/1692700>